

Валентин Янин

«СОВЕСТЬ, БЛАГОРОДСТВО И ДОСТОИНСТВО ОТЛИЧАЛИ ЛИХАЧЕВА»

С именем Почетного доктора СПбГУП, выдающегося историка и археолога, профессора Московского государственного университета, академика Валентина Лаврентьевича Янина связаны наиболее значительные достижения в изучении Древней Руси во второй половине XX века.

Но не только научные интересы объединяли автора археологических открытий в Новгороде, члена Президиума Российской академии наук, лауреата множества премий, академика Янина с академиком Лихачевым.

Их совместным делом стала защита памятников истории и культуры.

– Как вы познакомились с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым?

– Сначала это знакомство было заочным. Приобщившись в 1947 году к теме изучения средневекового Новгорода, многие важные сведения я получил, читая изданную в 1945 году книгу Дмитрия Сергеевича Лихачева «Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII веков». В ней был обобщен опыт всего предшествующего периода изучения новгородского феномена. Изображение свинцовой печати на обложке этой книги стало моей путеводной звездой, когда я многие годы посвятил изучению древнерусской сфрагистики. (Пионером этого изучения, как известно, был однофамилец Дмитрия Сергеевича – Николай Петрович Лихачев.) Очень скоро наше знакомство стало очным и продолжалось до его кончины. Лихачев на всю жизнь сохранил любовь к Новгороду и внимательно следил за открытиями новгородских археологов.

– Какое Лихачев произвел тогда на вас впечатление и менялось ли это впечатление в дальнейшем?

– На протяжении всего нашего многолетнего общения Дмитрий Сергеевич поражал меня своей молодостью, сохраненной им на всю жизнь, несмотря на пережитые им годы заключения на Соловках и ленинградскую блокаду. Такое же впечатление он производил на всех, даже совершенно случайных, общавшихся с ним людей. Я часто вспоминаю один эпизод, о котором услышал от него самого.

В конце 80-х годов, когда ему было уже за восемьдесят, Дмитрий Сергеевич приехал в Нижний Новгород на съезд Общества охраны памятников. Очень ему хотелось побывать в Макарьевском Желтоводском монастыре, но местное руководство, зная о безобразном состоянии монастырских зданий, всячески препятствовало этому желанию. «Утонул рейсовый пароход, возивший пассажиров из Нижнего Новгорода в Макарьев», «Половодьем снесло пристань в Макарьево», – объясняли ему областные руководители. Однако местная молодежь привела Лихачева на пристань, усадила на рейсовый пароход, который благополучно довез его до макарьевской пристани. У входа в монастырь Дмитрий Сергеевич увидел согбенную старушку с опущенной от слабости до самых колен головой и что-то спросил у нее. Та, с трудом подняв голову, взглядела в Лихачева и сказала: «Сынок! Что ты говоришь, я ничего не слышу... Я ведь старая стала, глухая да глупая! Поверишь? Мне уже восемьдесят лет!».

– Как бы вы охарактеризовали внутренний облик академика Лихачева?

– Что касается внутреннего облика, то его можно охарактеризовать словами Булата Окуджавы: «Совесть, благородство и достоинство – вот оно, святое наше воинство». Дмитрия Сергеевича всегда отличала четкая гражданская позиция во всех его деяниях. Сохранение культуры в самых различных ее проявлениях было главной заботой его жизни, и это вызывало раздражение даже в руководстве Академии наук. Мне как-то рассказали, что после очередного выступления Лихачева, недовольного отсутствием деятельной поддержки Пушкинского Дома со

стороны Президиума академии, один из числа ее руководителей произнес историческую фразу: «Ну и надоел мне этот старик со своей культурой!».

– Какие общие интересы связывали вас, Валентин Лаврентьевич, с Дмитрием Сергеевичем?

– По существу наши научные интересы совпадали, коль скоро мы оба занимались русским Средневековьем и его культурой. Дмитрий Сергеевич всегда интересовался раскопками в Новгороде и высоко оценил открытие берестяных грамот.

Когда в 1965 году была издана моя научно-популярная книга «Я послал тебе бересту...», я был невероятно польщен тем, что первая рецензия на нее всего спустя полгода была написана Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и опубликована в журнале «Новый мир» (1966, № 2). И тогда же возник с ним спор. Рецензия называлась «Новая наука – берестология». А я уже тогда начинал проникаться идеей интеграции гуманитарных дисциплин. Время энциклопедистов закончилось к началу XIX века, когда наступил этап дифференциации знания. Историки и филологи двинулись разными путями. В исторической науке появились специальные дисциплины, каждая из которых разрабатывала свою методику и терминологию, разговаривая на своем «птичьем языке». Нумизматы не читали летописей. Историков, изучающих в архивах старинные документы, не интересовала работа археологов и т. д. Выводы, полученные специалистами разных дисциплин, часто вступали в противоречие друг с другом. Между тем открытие при раскопках берестяных грамот нуждалось в обязательном их сопоставлении со всем комплексом находок и сооружений на той усадьбе, где они были обнаружены. В этом состоит их решительное отличие от древних папирусов, находимых, как правило, во вторичном использовании. Там возникновение «папирусологии» вполне естественно. Здесь же «берестология» может обернуться потерей многих аргументов при истолковании берестяных текстов. Необходимость интеграции подтвердилась в дальнейшем плодотворным объединением историков-археологов и филологов-лингвистов на базе Новгородской археологической экспедиции. Многими успехами наша наука обязана этому объединению, которое неоднократно приветствовал и Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Некоторое «противостояние» между мной и Лихачевым относится к середине 60-х годов, когда Александр Александрович Зимин выступил со своей концепцией фальсификации «Слова о полку Игореве». Не разделяя этой концепции, я с величайшим уважением воспринял мужество ученого, осмелившегося противостоять официальной трактовке, приравнявшей «Слово» чуть ли не к «Манифесту Коммунистической партии» и требующей неприкосновенности к тексту, который, естественно, не мог не измениться в процессе многовекового редактирования. Я был уверен, что демарш Зимина понудит исследователей более внимательно изучить замечательный памятник русского Средневековья. Так и оказалось в дальнейшем. Но Зимин своего главного противника подозревал в Лихачеве, который, в свою очередь, заподозрил во мне зиминского сторонника, но очень скоро, к счастью, разобрался в ситуации.

В дальнейшем мы с Дмитрием Сергеевичем много беседовали на интересующие нас научные темы и неоднократно бывали соавторами в статьях, посвященных актуальным проблемам истории и филологии.

– Как происходило ваше общение? Вы беседовали при специальных встречах, на общественных и научных мероприятиях, созванивались?

– Общение было постоянным. Наиболее плодотворные встречи происходили в Новгороде, куда Дмитрий Сергеевич приезжал неоднократно. Особенно памятна встреча в 1982 году, когда в Новгороде происходил съезд Общества охраны памятников. Лихачев восторженно знакомился с найденной при нем очередной берестяной грамотой (это была грамота № 600!) и внимательно рассматривал коллекцию обнаруженных тогда же вещевых находок. Длительным было и наше общение с ним во время съемки в Новгороде Дмитрием Николаевичем Чуковским фильма о Лихачеве. У меня сохранилось несколько фотографий Дмитрия Сергеевича, снятых в Новгороде.

– Вы, Валентин Лаврентьевич, отдаете много сил делу сохранения историко-культурного наследия нашего Отечества. Расскажите, пожалуйста, подробнее, на каком этапе эта благородная миссия совпала с аналогичной деятельностью Дмитрия Сергеевича Лихачева?

– Она совпала в момент организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, т. е. в 1966 году, когда оба мы были избраны в президиум этого общества. Заседания президиума стали главным местом нашего общения. Они способствовали многим успехам в деле охраны памятников. Увядание этого благородного дела стало следствием развала Общества, случившегося в конце 80-х годов. Тогда же Дмитрий Сергеевич возглавил Фонд культуры, на какое-то время успешно продолживший и дело охраны памятников. Мне довелось быть членом президиума и этой организации, связь с которой я порвал после того, как Лихачев на посту председателя был смещен чуждым всем предшествующим начинаниям Никитой Сергеевичем Михалковым.

– «Сегодня Центр музыкальных древностей – гордость Новгорода Великого. Здесь можно увидеть воссозданные музыкальные инструменты Руси XI века: гусли, варганы, гудки, жалейки... Но ведь центра могло и не быть, если бы не героические усилия музыковедов, реставраторов, писателей, журналистов и таких ученых, как академики

Д. С. Лихачев и В. Л. Янин». За этими скупыми корреспондентскими строками слышатся отголоски некоей драматической и интригующей истории, в которой вы, Валентин Лаврентьевич, вместе с Дмитрием Сергеевичем принимали самое активное, живое участие. В чем же были трудности, которые вам пришлось преодолеть при создании Новгородского центра музыкальных древностей?

– Одна из причин парадоксальна: внешний облик организатора центра – Владимира Ивановича Поветкина: длинные волосы, сапоги, русская рубаха, пересекающая лоб повязка... В человеке, не носящем костюм и галстук, начальству виделось нечто подозрительно-враждебное. Вспоминаю по этому поводу некий случай. Когда мне довелось рекомендовать на работу одну приехавшую в Новгород девушку, которая пришла в обком не в юбке, а в брюках, охрана не пустила ее, заставив пойти переодеться. Я потом спросил у секретаря обкома: «А если к вам придет шотландец в юбке, ему тоже надо будет бежать за брюками?». Примерно так же пришлось поступить, защищая Поветкина. На раскоп пришел заместитель председателя Президиума РСФСР В. И. Кочемасов (он же возглавлял Всероссийское общество охраны памятников) в сопровождении секретаря обкома, которого я попросил оценить длину волос Кочемасова, не уступающую длине волос Поветкина. Однако шутки в сторону. Подозрительность местного начальства удалось развеять только долгими коллективными усилиями, среди которых авторитет Дмитрия Сергеевича Лихачева сыграл решающую роль.

Кстати сказать, внешний облик исключительно талантливого, всесторонне одаренного Поветкина до сих пор вызывает раздражение у официальных деятелей. Недавнее ходатайство новгородских общественников, поддержанное и мной, о присвоении Владимиру Ивановичу звания Почетного гражданина Новгорода, которым он по праву является, было отклонено. Причина все та же – депутатам местной думы не нравится его внешний вид.

– Сегодня, когда книги авторов Серебряного века можно свободно приобрести во многих магазинах, трудно представить себе, что еще не так давно некоторые имена были под запретом. А лауреаты государственных и международных премий академики Дмитрий Лихачев и Валентин Янин, оказывается, собственноручно писали письма в поддержку Николая Гумилева, что привело к первой публикации его работ, к грандиозной вспышке массового интереса к этому автору у нас в стране и за рубежом. Как вам, Валентин Лаврентьевич, и Дмитрию Сергеевичу удалось «реабилитировать» Гумилева?

– Массовый интерес к творчеству Гумилева существовал задолго до наших писем. В студенческие годы, как мне помнится, очень многие мои сверстники знали наизусть и боготворили гумилевских «Капитанов». Мы всегда были уверены в том, что этот поэт был выразителем целой эпохи, а гибель его считали преступлением власти. Уже в студенческие и аспирантские годы мне удалось приобрести у букинистов несколько сборников Гумилева в изданиях первой четверти XX века, один из них – «К Синей Звезде» я весь с первого чтения запомнил навсегда. Это и подвигло меня на защиту памяти замечательного поэта. Думаю, что и Дмитрий Сергеевич руководствовался близкими чувствами.

– А вот еще одна история. Воспоминания известного писателя Сергея Залыгина: «Выступая на очередной встрече, я вручил Михаилу Сергеевичу Горбачеву петицию об отмене строительства второй очереди азотного комбината в Новгороде. Эта вторая очередь окончательно погубила бы город, первая уже нанесла ему непоправимый урон. Петицию вручил мне новгородский писатель Борис Романов, который менее чем за сутки сумел побывать и в Новгороде, и в Ленинграде и вот примчался в Москву. Под петицией стояли подписи новгородцев и академиков Лихачева и Янина... И опять помогло – строительство второй очереди азотного комбината было отменено». Вы помните тот случай, Валентин Лаврентьевич? Вам действительно удалось тогда предотвратить экологическую катастрофу в Новгороде?

– Да. Вторую очередь химкомбината строить не стали. Думаю, однако, что не меньшую роль в отмене проекта сыграл явный вред первой очереди. Если до введения ее в эксплуатацию промышленность Новгорода была бездымной (завод полупроводников, телевизионный завод и т. п.), то дым химкомбината начал отравлять и людей, и древние памятники архитектуры. Ненависть к нему новгородцев возымела значительную силу, и наши протесты получили тогда массовое одобрение.

– На развитие современной национал-патриотической идеологии значительное влияние оказала так называемая Влесова (Велесова) книга. Ее даже называют «Священным Писанием славян». Между тем отношение к этому тексту профессиональных историков и лингвистов неоднозначно. Академик Лихачев, например, в подлинность этого «катехизиса» не верил. А вы, Валентин Лаврентьевич, согласны с мнением Лихачева?

– Отношение профессиональных историков и лингвистов к «Влесовой книге» всегда было однозначно отрицательное. «Влесова книга» – очевидный фальсификат, созданный в XIX веке, что уже доказано в научной литературе (в частности, учениками Лихачева).

Интерес к ней национал-патриотов напоминает восторженное восприятие «новой хронологии» Фоменко современными невеждами.

– Большое спасибо, Валентин Лаврентьевич, за интервью.

Беседовала Елена Александрова